

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

ДЖ. В. ОЛЛЕР (МЛАДШИЙ), Б. Д. СЭЙЛЗ, Р. В. ГАРРИНГТОН
 КРУГОВОРОТ В ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ
 ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ*

Язык функционирует в качестве системы человеческой коммуникации¹. Основной целью лингвистической теории обычно считаются описание языка как системы и объяснение того, каким образом говорящие общаются с помощью языка. Авторы настоящей статьи полагают, что для достижения этой цели необходимо изучить соотношение между единицами языка и «объектами»², являющимися предметом коммуникации говорящих³. Это последнее положение по различным причинам не всегда принимается лингвистами. Задачей настоящей статьи является обсуждение этих причин, которое даст возможность указать на некоторые неизбежные ошибки, которые привели к определенному круговороту в лингвистической теории. Этот круговорот восходит к блумфилдской лингвистике и, вполне вероятно, может быть надолго закреплен современными теориями трансформационной порождающей грамматики.

* Настоящая статья является переводом работы «A basic circularity in traditional and current linguistic theory» («Lingua», 22, 4, 1969).

¹ Нам хотелось бы поблагодарить Д. Х. Обрехта, В. Б. Ньюкома, А. Дж. Лерера и Дж. В. Делака за их ценные замечания о более раннем варианте настоящей статьи.

² Обсуждение образования ашперцепционных и понятийных единиц, т. е. «объектов», являющихся предметом общения людей, см. в работах: Bruner, Goodnow, Austin (1956) и Hunt (1962). [Литература дана в конце статьи. — Перев.] Эти исследования, хотя они и не являются достоянием с лингвистической точки зрения, содержат новый подход ко многим лингвистическим проблемам. Теория множеств, примененная Хантом к усвоению понятий, особенно плодотворна, и нам представляется, что его система может с успехом быть использована для построения психолингвистической модели усвоения языка. Наше допущение о том, что исследование усвоения ашперцепций и понятий является жизненно необходимым для любой общей теории языка, ниже используется в негативном плане: мы стремимся показать, что в случае, если эти явления не принимаются во внимание, неизбежен порочный круговорот теории. Такой круговорот достиг своего кульминационного пункта в теории Хомского и других о «врожденных идеях» (см. ниже).

³ Хотя положения об изучении лингвистических единиц и их отношении к другим единицам сознания не нашли широкой поддержки среди лингвистов, эти положения никак не являются новыми для лингвистической теории. Некоторые примеры см. Basilius (1952), Ohman (1953) и содержащиеся в этих работах ссылки на специальную литературу. Представители Пражской лингвистической школы также разделяют точку зрения авторов настоящей статьи: см. Vachek (1966). Р. Якобсон, особенно влиятельный представитель Пражской школы, совершенно определенно считает, что лингвисты должны исследовать коммуникативную функцию единиц языка: «Для Боаса было ясно, что любое различие в грамматических категориях несет семантическую информацию. Если язык является инструментом, служащим для передачи информации, вельзя было бы описать конститутивные части этого инструмента без обращения к их функциям...» (1959, стр. 142). Райхлинг (1961) также безоговорочно поддерживает смысловую функцию языка, обоснованно критикуя теоретический подход Хомского (1957): «Значение является условием и целью любой синтаксической деятельности»

Блумфилд ввел некоторые положения, которые в большой степени ограничивают современную лингвистическую теорию. Прежде всего, он определил *н а ч е н и е* лингвистической формы как ситуацию, при которой говорящий произносит ее, и ответ, который она вызывает у слушателя (1933, стр. 139). Такое определение уводит исследователя в сторону от основных проблем и является недостаточным по существу. Для того чтобы выявить значение лингвистической единицы, необходимо принимать во внимание не только одновременность ее возникновения с теми или иными аспектами определенного акта коммуникации, но также и те понятийные соотношения с другими лингвистическими единицами и связями между ними в воспринимаемом мире, которые возникают при различных актах общения. Этот воспринимаемый мир, т. е. «объекты» в воспринимаемом мире, являющиеся предметом общения говорящих, не связаны во времени и пространстве в том же смысле, в каком связаны непосредственные внешние (находящиеся вне индивидуума) стороны акта коммуникации. Вряд ли было бы правильным понимать значение лингвистической единицы при той или иной ситуации общения именно как ситуацию, в которой находится говорящий, и как реакцию слушающего на эту ситуацию. Скорее можно допустить, что значение зависит: 1) от длительного опыта по крайней мере одного индивидуума в использовании данной лингвистической единицы в других ситуациях и 2) от тех индуктивно-дедуктивных процессов, которые дают возможность индивидууму соотнести информацию, полученную на основе этого опыта, с данной ситуацией⁴.

Хотя некоторые сложности языковой коммуникации не были секретом для Блумфилда, строгая ориентация его определения на объекты, поддающиеся непосредственному внешнему наблюдению (*observables*)⁵, привела его к следующему ограничительному заключению относительно возможности исследования значения: «Для того, чтобы дать научно точное определение значения, необходимо с научной точностью знать все то, что составляет мир говорящего. Действительные пределы человеческого знания весьма невелики по сравнению с этим». Здесь Блумфилд, видимо, использует свое ошибочное определение для формулировки допущения, целью которого является необходимость исключить значение из области научного исследования. Смысл этого допущения состоит в следующем: ввиду множественности ситуаций, обуславливающих речь, количество значений лингвистических единиц, возникающих в этих ситуациях, должно быть настолько велико, что делает невозможным их описание.

Однако Блумфилд в своем допущении проходит мимо того факта, что использование лингвистических единиц при коммуникации является си-

(стр. 2). Уленбек (1967) дает уничтожающую критику более поздних взглядов Хомского и его молчания на замечания Уленбека, высказанные ранее. Многие другие работы заслуживают упоминания в этом отношении, но мы сошлемся только на некоторые из них, где содержится концепция, сходная с той, которая излагается в настоящей статье: Lotz (1950), Quillian (1962), Carroll (1964), Johnson-Laird (1967).

⁴ Техника описания этих индуктивно-дедуктивных процессов, несомненно, должна значительно продвигнуться, прежде чем станет возможным дать удовлетворительную интерпретацию предложений.

⁵ Термин «объекты, поддающиеся непосредственному внешнему наблюдению» (*observables*) является многозначным словом. Он подразумевает, что внешние аспекты акта коммуникации лучше поддаются анализу и, следовательно, с большим успехом могут исследоваться, чем внутренние процессы. По отношению к речевой коммуникации это не совсем справедливо. Если дан речевой сигнал, участвующий в акте коммуникации, возможно только разложить этот сигнал на составляющие его части постольку, поскольку для наблюдателя возможно *а н а л и з и р о в а т ь* этот сигнал в терминах его знания данного лингвистического кода, т. е. в той мере, в какой ему известны значения лингвистических единиц, входящие в этот сигнал.

стемным. Системным является не только использование лингвистических единиц отдельным говорящим, но и их использование всеми другими говорящими на том же языке. В противном случае они не могли бы общаться между собой. Конечно, невозможно описать к а ж д у ю из бесконечного числа языковых ситуаций. Однако в принципе вряд ли можно признать невозможным описание системы, позволяющей определить то или иное конечное число из бесконечно многих возможных соотношений между конечным числом определенных единиц.

Ошибочным представляется и положение Блумфилда о том, что объем человеческого знания весьма мал по сравнению со знанием индивидуумом своего мира. Ошибка Блумфилда становится очевидной, если учесть тот факт, что язык — это система социо-культурного характера, которая скорее усваивается, чем изобретается индивидуумом. Ни один индивидуум не может знать больше обо всех «объектах», чем знают люди, говорящие на его же языке, и не может знать больше о коммуникативной значимости всех лингвистических единиц своего языка по сравнению с другими говорящими на том же языке⁶. Блумфилд вполне понимал тот факт, что «изучение звуков речи, не принимающее во внимание значение, является абстракцией», и что «при практическом использовании звуков речи они произносятся в качестве сигналов» (стр. 139). Однако такая «абстракция» либо невозможна (об этом будет сказано ниже при обсуждении первого положения Харриса), либо не позволяет объяснить способность говорящего общаться на своем языке. Это означает, что если лингвистическая теория как таковая не дает возможности понять, каким образом говорящие на данном языке кодируют информацию в пределах структуры своего языка, анализ ничего не может вскрыть для понимания того, как общаются говорящие.

К счастью, на практике Блумфилд не использовал всех строгостей своих допущений. Об этом говорят многие из его работ, посвященные структурному анализу, основанному на семантике. Эти работы были ценным вкладом в изучение языковой коммуникации. Можно сослаться в этом отношении на книгу Блумфилда «Язык». В этой книге автор широко использует семантические критерии для установления грамматических категорий, морфемных отрезков и даже для фонемного анализа.

К сожалению, некоторые из последователей Блумфилда восприняли его ошибочные допущения в большей мере, чем сам Блумфилд. Наиболее крайнюю позицию в этом отношении, очевидно, занимает Э. Харрис. Харрис пытался установить строгие методы анализа, которые позволили бы обойтись без необходимости использовать значение. Основываясь на ошибке Блумфилда, Харрис сделал два своих допущения (последнее из которых продолжает до сих пор оказывать большое влияние на лингвистическую теорию).

Первое допущение Харриса касается о т к р ы т и я лингвистических единиц.

⁶ В смысле идиолектных вариаций нельзя, конечно, отрицать большего знания говорящего о своем собственном употреблении лингвистических единиц, чем об употреблении, присутствующем какому-либо другому индивидууму. В этом ограниченном смысле положение Блумфилда о том, что индивидуум знает больше о своем языке, чем община в целом, вполне правильно. Однако лингвистическая идиосинкразия индивидуума (по крайней мере, на семантическом уровне) является релевантной по отношению к проблеме языковой коммуникации только в том смысле, что она образует фактор шума. Если этот шум превосходит определенный уровень, коммуникация прерывается. Вряд ли разумно допускать, что в связи с невозможностью сформулировать описание такого рода шума, невозможно описать и ограниченную систему информации, которая является общей для говорящих на данном языке.

(1). Допуская возможность идентифицировать единицы языка на основе строгих, чисто формальных дистрибуционных критериев, он следующим образом описывает свой метод: «Весь порядок процедур... который должен начаться с сырого материала и закончиться формулировкой грамматической структуры, в принципе представляет собой использование двух основных шагов, повторяемых дважды: установление элементов и формулировка дистрибуций этих элементов по отношению друг к другу... Элементы определяются как относительно друг друга, так и на основе дистрибуционных отношений между ними» (1951, стр. 6—7).

Фаулер (1952) указывает на практическую неосуществимость предложенного метода⁷. Он подчеркивает невозможность идентифицировать неидентифицированный элемент, опираясь на его неизвестное соотношение с другими еще неидентифицированными элементами. Харрис замечает, что «эта операция может производиться без какой-либо произвольности лишь в том случае, если она осуществляется для всех элементов одновременно» (стр. 7). Вполне очевидна невозможность даже для самого одаренного лингвиста проанализировать все элементы «одновременно», ибо значительные трудности для любого лингвиста представляет даже анализ элементов по одному. Единственной альтернативой является выбор одной из неописанных произвольных точек отсчета. Если допустить, что это удастся сделать, опираясь на значение, то и в этом случае мы едва ли можем использовать принципы Харриса, ибо невозможно идентифицировать все другие неидентифицированные элементы в терминах их дистрибуционных отношений к одной известной единице⁸.

Второе допущение Харриса, основанное на первом, касается о п р е д е л е н и я лингвистических единиц.

(2). Он заявляет, что «делом первостепенной важности является то, чтобы эти элементы были определены относительно других элементов и относительно взаимоотношений между всеми этими элементами» (стр. 7).

Мы уже установили, что на практике невозможно обнаружить полноценные единицы языка в том смысле, как это указано в первом допущении Харриса. Кроме того, вполне понятно, что для объяснения системы языка, выступающего в своей коммуникативной функции, определения, основанные только на дистрибуционных критериях (как это предложено во втором допущении Харриса), приведут к порочному кругу.

В качестве иллюстрации рассмотрим структуру кода *C*, где *a*, *b* и *c* являются элементами *C* и служат для кодирования элементов *x*, *y*, относящихся к среде восприятия, не охватываемой *C*. Для того чтобы объ-

⁷ В связи с критикой Фаулера интересно отметить, что более полустолетия тому назад Ф. де Соссюр в своих новаторских лекциях, позднее изданных его учениками, настаивал на необходимости обращения к значению для того, чтобы вскрыть единицы языка. «... мы знаем, что основной характеристикой звуковой цепи является ее линейность. Рассматриваемая сама по себе, она представляет собой только линию, непрерывную цепочку, на протяжении которой ухо не воспринимает каких-либо самостоятельных и явно выраженных делений. Для того чтобы разделить эту цепочку, надо обратиться к значениям... анализ невозможен, если принимается во внимание только звуковая сторона лингвистического явления» (1959, стр. 103—104).

⁸ Мы совсем не хотим здесь сказать, что процедуры обнаружения языковых элементов *per se* невозможны; мы хотим скорее сказать, что предложенный Харрисом метод не может быть использован на практике. Напротив, мы считаем неизбежным положение о том, что процедуры обнаружения возможны, если принять во внимание тот факт, что индивидуум с конечным числом способностей *u s a i n v a e t* язык. Мы не можем принять альтернативной гипотезы Хомского (1966а), постулирующего «врожденные идеи», с помощью которых ребенок, как он считает, «создает» язык. Данные, опровергающие эту гипотезу, содержатся в работе Оллера и Обрехта (в печати), где показывается, что значение коммуникативной нагрузки высказываний является важной частью усвоения фонологического, морфологического и синтаксического материала иностранного языка.

яснить использование *C* при коммуникации, необходимо установить соотношение, существующее между элементами *a* и *x*, *b* и *y*, *c* и *z*. Дистрибуционный анализ *C* (т. е. *a*, *b* и *c*) в терминах их теоретически возможных комбинаций мало или вовсе ничего не говорит об их функции при коммуникации. Такой анализ ничего не может дать, например, для того, чтобы понять, почему человек, использующий код *C*, будет интерпретировать сообщение *bca* как *узх*, или каким образом он будет кодировать подобные сообщения.

Очевидно, что встречаемость элементов кода не зависит от их встречаемости по отношению друг к другу. Их встречаемость «контролируется» тем сообщением, которое необходимо закодировать⁹. По этой причине определение *a*, например, в терминах его дистрибуции по отношению к *b* и *c* образуют порочный круг.

Аргументация Харриса, пытавшегося обойтись без семантических критериев при лингвистическом анализе, суммируется в следующем положении: «Нельзя утверждать, что каждая морфема или слово имеет единое или основное значение или даже, что оно имеет непрерывный диапазон значений» (154, стр. 39).

Рассуждение, лежащее в основе заключения Харриса, является ошибочным в той же мере, в какой допущение Блумфилда относительно знания «мира» говорящего. Именно тот факт, что люди общаются посредством языка, является лучшим аргументом против утверждения Харриса (если, конечно, не исходить из того, что механизм человеческого мышления в состоянии совершать явно невозможную операцию по анализу случайных и неорганизованных сообщений). Положение о том, что взаимосвязь между языком и значением расплывчата и не поддается исследованию, — весьма непродуктивно в том смысле, что оно отвлекает от изучения одного из наиболее важных аспектов языка.

Тезис Харриса о том, что язык следует изучать отдельно от значения, отражается в современных трансформационных теориях порождающей грамматики [это положение было ясно сформулировано Хомским в 1957 г., когда он писал: «По моему мнению, мы вынуждены заключить, что грамматика автономна и независима от значения..» (стр. 17). «Граматику лучше всего формулировать в виде самодовлеющей науки, независимой от семантики» (стр. 106). Обсуждение этих положений см. Reichling (1961)].

В той же монографии Хомский заявляет, что он «пытается описать структуру языка без явного упоминания путей использования этого инструмента». Он полагает, что «его теория будет полностью формальной дисциплиной», которая, как он надеется, будет иметь «значительные взаимосвязи с параллельной семантической теорией» (стр. 103). Основная трудность, к которой приводят такие допущения, состоит в том, что невозможно обнаружить или объяснить лингвистическую структуру, не обращаясь к значению.

Хомский (1957, стр. 94) частично избегает этой проблемы, вводя понятие «лингвистической интуиции говорящего на родном языке». Для

⁹ Мы признаем, что проводимая здесь аналогия не является совершенной в том отношении, что система языка намного сложнее, чем система приведенного кода (и одновременно тот факт, что приведенное построение является неполным); тем не менее кажется маловероятным, что лингвистические единицы (данного языка) на любом уровне в полной мере оказывают функциональное влияние на их встречаемость. Нам представляется скорее, что выбор лингвистических единиц в том или ином высказывании в большой мере определяется той информацией, которую говорящий хочет сообщить. Мы предпочитаем считать синтаксические структуры абстрактными полноточными единицами. Якобсон (1959) и Райхлинг (1961) выражают подобную же точку зрения (см. п чмеч. 3).

того чтобы уяснить смысл этого понятия, лингвист также должен обладать разными видами интуиции. Хотя Хомский допускает, что «интуиция лингвистической формы» и «интуиция значения» — два различных аспекта знания говорящего, которые каким-то образом смешиваются лингвистами, он не предлагает никаких определений для прояснения этого смешения. В связи с тем, что сам Хомский не отрицает расплывчатости этих терминов и, следовательно, нежелательность их использования, вряд ли необходима какая-либо полемика по этому вопросу¹⁰.

В работах Хомского 1964 г. грамматика более не выступает как «чисто формальная дисциплина», описывающая «интуицию лингвистической формы». Грамматика сейчас включает уже «синтаксический компонент, фонологический компонент и семантический компонент» (разрядка наша. — *Авт.*) (стр. 51—52). Каким образом последний соотносится с синтаксическим компонентом, не совсем ясно. Представляется, что различие между двумя видами интуиции, на котором Хомский настаивал ранее, в настоящее время для него не имеет значения. В своем довольно обширном рассуждении, посвященном «границам синтаксиса и семантики», Хомский (1965) заключает, что «синтаксическая и семантическая структуры естественных языков представляют много загадок как фактического, так и принципиального характера, и любые попытки разграничить эти области, безусловно, будут чисто предварительными» (стр. 163)¹¹.

Хомский (1966 b) предлагает «вести нейтральное техническое понятие „синтаксического описания“ и считать синтаксическое описание предложения (абстрактным) объектом того или иного рода, связанным с предложением, которое только и определяет его семантическую интерпретацию (последнее понятие остается без определения впредь до новых открытий в области семантической теории)...» (стр. 5). Вместо того, чтобы признать, что «абстрактный объект» состоит из семантического соотношения между лингвистическими и другими единицами и отношениями, т. е. значением, Хомский называет его «синтаксическим описанием». Выдвигаемое им в качестве следствия положение о том, что следует пытаться использовать «нейтральное техническое понятие», абсолютно аналогично образующему порочный круг понятию «дистрибуционной структуры» Харриса. Вместо того, чтобы определить лингвистические единицы в терминах «объектов», кодификаторами информации о которых они служат, Хомский заявляет, что лингвистические единицы имеют какую-то взаимозависимую структуру, отличную от их использования при коммуникации. К этому положению Хомского относятся все возражения, которые ранее были выдвинуты в отношении допущений Харриса.

Постулирование самодовлеющей структуры, независимой от значения, является, очевидно, непосредственным предшественником ошибочного

¹⁰ Интересно, что единственным разумным определением «лингвистической интуиции» является такое определение, согласно которому это понятие квалифицируется следующим образом: знание говорящим того, как он высказывает содержание, которое он имеет в виду, и то, что он имеет в виду, когда он делает это высказывание.

Если попытаться определить «интуицию говорящего на родном языке», то такое понятие представляется почти синонимичным «интуиции значения». Согласно Якобсону (1959, стр. 143; авторы настоящей статьи разделяют его точку зрения), информация о значении более доступна, чем информация о грамматической правильности (в том смысле этого термина, в каком его употребляет Хомский). Хомский (1965, стр. 18—22) поддерживает эту концепцию, подвергая довольно обширному рассмотрению недоступность «интуиции формы», характерную для говорящего.

¹¹ Мы согласны с мнением Уленбека (1967) о том, что факты синтаксиса и семантики тесно переплетены между собой и что анализ одного из них должен проходить одновременно с анализом другого.

тезиса о том, что говорящие «производят новые предложения, ... которые сразу же понимаются другими говорящими, хотя они не имеют физического сходства со „знакомыми предложениями“» (Chomsky, 1966b, стр. 4). Кац и Фодор (1963) также заявляют, что говорящий может производить и понимать бесконечно большое количество предложений, «к о т о р ы е я в л я ю т с я п о л н о с т ь ю н о в ы м и д л я н е г о» (стр. 481). Эти положения просто противоречат фактам. Практически все в новых предложениях знакомо. Если бы это было не так, говорящие не могли бы ни производить, ни понимать эти предложения. Новизна предложений состоит в том, что они представляют собой новые комбинации знакомых структур, т. е. известных лексических единиц и известных структурных признаков¹². Тот факт, что при языковой коммуникации функционируют рекурсивные процессы, Фодор ли оправдывает преувеличение, допускаемое Хомским, Кацем и Фодором. В самом деле, имеется огромное количество данных, свидетельствующих против положения Хомского о том, что возможность бесконечной рекурсии является необходимым компонентом моделей языковой компетенции говорящего и слушающего (обсуждение этих вопросов см. E. Crothers, P. Suppes, 1967).

Кац и Фодор (1963) также, видимо, присоединяются к ошибочному положению о том, что единицы языка обладают значением, независимым от их использования при коммуникации. Это вытекает из их положения о том, что «в о о б щ е предложение нельзя никак прочесть, если оно не находится в изолированном окружении» (стр. 488). Подобный тезис либо совершенно неверен, либо сформулирован неправильно. Некоторые трудности, к которым он может привести, указываются Уленбеком (1967, стр. 287). Дело в том, что предложение не может иметь какого-либо значения в изоляции, которого оно не имело бы в том или ином окружении¹³. Положение о том, что лингвистические единицы обладают значениями независимо от своего понятийного отношения к «объектам» воспринимаемого мира, представляет собой особого рода метафизическое расширение введенного Харрисом понятия дистрибуционной структуры, которое, как мы уже говорили, образует порочный круг. В этом случае, вместо того, чтобы постулировать самодовлеющую синтаксическую структуру, независимую от апперцепционной реальности, Кац и Фодор постулируют самодовлеющую семантическую структуру, независимую от апперцепционной реальности.

Кац и Постал (1964) также, видимо, разделяют эту в высшей степени философскую и неэмпирическую теорию. В начале своей книги они заявляют, что «лингвистическое описание должно реконструировать способность говорящих общаться друг с другом» (стр. 1). Позднее, однако, читатель узнает из примечания о том, что все положения, не объяснимые теорией, автоматически исключаются: «мы исключаем из рассмотрения все аспекты использования и понимания предложения, которые необъяснимы на основе порождающего механизма в качестве реконструкции способности говорящего производить и понимать предложения. Другими словами, мы исключаем такие понятийные признаки, как физические и социологи-

¹² Осгуд (1963) также выражает озабоченность по поводу таких преувеличенных положений. Он также критикует общую тенденцию многих лингвистов не принимать во внимание коммуникативную функцию языка.

¹³ Физические проявления апперцепционных и понятийных единиц, с которыми соотносятся лингвистические единицы предложения, не всегда непосредственно присутствуют при произнесении этого предложения; однако для того чтобы предложение было понято, они должны быть выводимы на основе более раннего опыта и на основе индуктивно-дедуктивных процессов.

ческие окружения высказываний, убеждения и воззрения говорящего и слушающего, ограничения восприятия и памяти, уровень шума в тех или иных окружениях и т. д.» (стр. 4). При ближайшем рассмотрении оказывается: все, что исключено Кацем и Посталом, достаточно для того, чтобы лишить их теорию возможности объяснить языковую коммуникацию вообще. В том виде, в котором она сформулирована, теория остается эмпирически неуязвимой, что для многих исследователей является уже вполне достаточным для ее пересмотра или для отказа от нее (см. Platt, 1964, стр. 349). Тезис о том, что реальная языковая коммуникация «необъяснима постулированием порождающего механизма», подтверждается только в той мере, что предложенная Кацем и Посталом модель не в состоянии это сделать. Разве из этого логически не следует, что подобная несостоятельность является результатом преднамеренного исключения из рассмотрения некоторых важных аспектов языковой коммуникации? Таким образом, проблема, как бы по кругу, в конечном итоге упирается в постулирование существования ингерентной лингвистической структуры, независимой от осмысленного использования языка. Если принять положение Хомского о том, что основной целью лингвистической теории является объяснение и «описание способностей говорящего понимать произвольное предложение своего языка и производить нужные предложения в том или ином случае» (1966 b, стр. 3), то мы должны признать тот факт, что достижение этой цели потребует нечто большего, чем анализ соотношений между лингвистическими единицами и этими предложениями.

Есть все основания думать, что для изучения языка может оказаться плодотворным использование эмпирических методов, допускающих эмпирическую проверку полученных результатов, и исследование с помощью этих методов проблем языковой коммуникации на основе анализа физических проявлений как высказываний, так и их аналогов в окружениях социокультурного характера. Это особенно важно для лингвистической теории в случаях, когда современный трансформационный подход не допускает изучения объективных реальностей даже в их ожидаемой конечной форме. Хомский (1966) подчеркивает, что «в определенной ситуации слушающий может использовать информацию, выходящую за пределы грамматики [т. е. чисто структурные аспекты языка в интерпретации Хомского. — *Авт.*] для определения того, какая из потенциально возможных интерпретаций имелась в виду» (стр. 6). Но разве интерпретация любого предложения не требует информации подобного рода? Мы полагаем, что требует. Если это так, то в настоящее время необходим анализ отношений, существующих между лингвистическими единицами, с одной стороны, и апперцепционными и понятийными единицами нашего познавательного опыта, — с другой. Именно эти последние являются объектом коммуникации людей.

Литература

- Basilus, H., 1952. Neo-Humboldtian ethnolinguistics, «Word», 8, стр. 93—105.
 Bloomfield, L., 1933. Language. New York.
 Bruner, J. S., Goodnow, J. J. and Austin, G. A., 1956. A study of thinking. New York.
 Carroll, J. B., 1964. Words, meanings, and concepts, «Harvard Ed. Rev.», 34, стр. 178—202.
 Chomsky, N., 1957. Syntactic structures. The Hague.
 Chomsky, N., 1964. Current issues in linguistic theory, в кн.: Fodor and Katz (1964, стр. 50—118).
 Chomsky, N., 1965. Aspects of the theory of syntax. Cambridge (Mass.).
 Chomsky, N., 1966a. Cartesian linguistics: a chapter in the history of rational thought. New York.

- Chomsky, N., 1966b. Topics in the theory of generative grammar, в кн.: «Current trends in linguistics», III. The Hague.
- T. A. Sebeok (ed.), Current trends in linguistics, III. The Hague.
- Crothers, E. Suppes, P., 1967. Experiments in second language learning. New York.
- Fodor, J. A. and Katz, J. J. (Eds.), 1964. The structure of language: readings in the philosophy of language. Englewood Cliffs.
- Fowler, M., 1952. Рец. на кн.: Z. Harris, Methods in structural linguistics, «Language», 28, стр. 504—509.
- Harris, Z., 1951. Structural linguistics. Chicago. Прежний заголовок (1947) «Methods in structural linguistics».
- Harris, Z., 1954. Distributional structure, «Word», 10, стр. 146—162, перепечатано в кн.: Fodor and Katz [1964; стр. 33—49 (ссылки на стр. в тексте статьи даются по этому изданию)].
- Hunt, E. B., 1962. Concept learning: an information processing problem. New York.
- Jakobson, R., 1959. «Boas» view of grammatical meaning, «American Anthropology», 61, Mem. 89, стр. 139—145.
- Johnson-Laird, P. N., 1967. Katz on analyticity, «Journal of linguistics», 3, стр. 82.
- Katz, J. J. and Fodor, J. A., 1963. The structure of a semantic theory, «Language», 39, стр. 170—210. Перепечатано в кн.: Fodor and Katz [1964; стр. 479—518 (ссылки на страницы в тексте даются по этому изданию)].
- Katz, J. J. and Postal, P. M. 1964. An integrated theory of linguistic descriptions. Cambridge (Mass.).
- Lotz, J., 1950. Speech and language, JASA, 22, стр. 712—717.
- Ohmann, S., 1953. Theories of the linguistic field, «Word», 9, стр. 123—134.
- Oller, J. W. Jr and Obrecht, D. H., 1968. Pattern drill and communicative activity: a psycholinguistic experiment., IRAL, 6, стр. 165—174.
- Osgood, C. E., 1963. On understanding and creating sentences, «Amer. Psychol.», 18, стр. 735—751.
- Platt, J. R., 1964. Strong inference, «Science», 146, стр. 347—353.
- Quillian, R., 1962. A revised design for an understanding machine, «Machine translation», 7, стр. 17—29.
- Reichling, A., 1961. Principles and methods of syntax: cryptanalytic formalism, «Lingua», 10, стр. 1—17.
- Saussure, F., 1906—1911. Course in general linguistics. New York, 1959.
- Uhlenbeck, E. M., 1967. Some further remarks on transformational grammar, «Lingua», 17, стр. 263—316.
- Vachek, J., 1966. The linguistic school of Prague. Bloomington.